

делении понятия языкового смешения заключается, по мнению автора, в том, что среди языковедов нет единства в вопросе соотношения языкового смешения и заимствования. «В то время, как, с одной стороны, многие языковеды отделяют заимствование от языкового смешения, есть, с другой стороны, немало исследователей, которые не признают такого рода отделения» (стр. 8). Шенфельдер допускает употребление термина «языковое смешение», «когда одностороннее или обоюдное влияние двух языков распространяется не только на лексику (Wortschatz), но и на фонетику (Lautsystem), морфологическую систему и синтаксис одного или другого языка» (стр. 9). Если же влияние касается только лексики, то он предпочитает говорить о заимствовании.

Шенфельдер отстаивает термин «смешанный язык», определяя его как «язык, в котором не только неустойчивый, легко изменяемый слой лексики, но и основной словарный фонд содержит элементы другого языка» (стр. 11—12). К числу такого рода элементов автор относит первичные глаголы, предлоги, словообразующие форманты и т. д.

Во втором разделе Шенфельдер намечает несколько периодов в области изучения проблемы языкового смешения. Лексикографы XVIII в. большинство языков рассматривали как смешанные. С возникновением сравнительного языкознания исследователи вовсе отказались от термина «смешанный язык». Далее Шухардт объявил, что не существует ни одного несмешанного языка. С конца XIX в. наступает длительное увлечение теорией субстрата, ибо многое оставалось в пределах классического сравнительного языкознания необъясненным. Автор критикует Г. Хирта, предполагавшего, что в результате языкового смешения может возникнуть совершенно новый язык. Подробно проанализировав ряд работ, посвященных проблеме языкового смешения и теории субстрата, Шенфельдер в заключении рассматривает лингвистическую концепцию Марра. «Пожалуй, — пишет он, — нет второго такого языковеда, который бы так основательно занимался проблемой языкового смешения, смешанных языков и смесей языков, как Марр; и, можно сказать, что только немногие языковеды настолько не поняли сущности этой проблемы» (стр. 37). В критике концепции Марра автор в основном опирается на работы советских языковедов. Он также справедливо указывает, что нельзя делать вывод, будто проблемой языкового смешения не следует заниматься вовсе.

Третий раздел книги представляет для нас наибольший интерес, так как здесь делается попытка обоснования методики исследования автора. Шенфельдер настаивает, и с нашей точки зрения совершенно справедливо, на том, что преувеличение роли культурного фактора при рассмотрении вопроса об языковых контактах приводит к ошибочным выводам. «В противоположность заимствованию отдельных слов, связанных с развитием культуры

(Kulturlehnwörter), языковое смешение всегда предполагает двуязычие» (стр. 43). При этом не существенно, достигается ли полное двуязычие. Шенфельдер видит следующие предпосылки возникновения двуязычия: искусственные условия при изучении иностранного языка, контакты в пограничных в языковом отношении областях (например, Швейцария, Бельгия и т. п.), условия насильственного подчинения.

Изучив немецкий субстрат в английском языке Пенсильвании, т. е. процесс языкового смешения с известными ингредиентами, имевший место в недавнем прошлом, автор с понятным скептицизмом относится к древним «доиберийскому, доитрускому и докельтскому субстратам». При этом он полагает, что в подобного рода исследованиях необходимо всегда соблюдать ретроспективный метод (от современных процессов к древним и древнейшим).

Рассмотрение книги Шенфельдера приводит нас к следующим выводам.

1. Автор справедливо исключает из области заимствований проникающие в другой язык в результате языкового смешения (мы объединяем термины автора «языковое смешение» и «смешанный язык») первичные глаголы, предлоги, словообразующие форманты и т. д.

2. Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что слова заимствуются вместе с вещами и понятиями и, следовательно, заимствование как процесс мыслится в непосредственной связи с культурным влиянием, чего нельзя сказать о языковом смешении, возникающем на базе полного, либо частичного двуязычия.

3. Автор, проявляя вполне оправданный скептицизм по отношению к разному рода теориям субстрата, предлагает начинать изучение проблемы от «известного», т. е. от процессов, нашедших ясное отражение в памятниках письменности и живой речи. Однако он не показывает, как же перейти от этого «известного» к «неизвестному».

В заключение следует указать на полезность книги Шенфельдера, вводящего читателя в одну из актуальных проблем современной лингвистики. В конце книги приведена обширная библиография (126 названий).

В. В. Мартынов

L. Bloomfield. *Eastern Ojibwa; Grammatical sketch, texts and word list.* — Ann Arbor, 1956. 271 стр. (The University of Michigan press).

Опубликованное через семь лет после смерти Л. Блумфилда его исследование оджибва, являющегося одним из диалектов центрально-алгонкинского языка, представляет несомненный общезыковедческий интерес. Именно с этой стороны оно и будет рассмотрено в настоящей рецензии. Принципы и методы лингвистического исследования и описания, провозглашенные Л. Блумфилдом в его теоретических рабо-

тах, причем особенно в том виде, в каком эти принципы и методы выступают у таких его последователей, как Б. Блок, З. Харрис и др., неоднократно подвергались критике как в СССР, так и за рубежом. Такие постулаты, как строго дистрибутивный анализ на основе последовательных субституций и принципиальный отказ от обращения к значению описываемых форм (т. е. к значению в том обычном смысле, который непременно требует участия «носителя языка» или «информанта»), неоднократно отвергались языковедами самых различных школ и направлений, причем не только из теоретических соображений, как думают многие. Теперь уже можно также говорить и о практической малосостоятельности основных догм дескриптивной лингвистики¹. Вместе с тем претензии дескриптивной лингвистики и настойчивость, с которой продолжают утверждать устоявшиеся выше постулаты такие представители йельской школы, как Блок, Харрис и Хоккет, приводят к тому, что эти постулаты не перестают иметь некоторый успех, особенно у молодежи, привлеченной их «революционностью» и апеллицией к современным точным наукам². Легко себе представить поэтому, сколь многого ожидает читатель именно с общеметодологической стороны, раскрывая работу, отделенную шестнадцатью годами от окончательного варианта книги «Language».

Однако надо сразу же сказать, что ожидания читателей, рассчитывавших найти в этой книге конкретное применение известных теоретических схем ее автора, оказываются обманутыми. Вместе с тем это очень хорошая и очень интересная книга, которую можно прочесть с большой пользой и удовольствием, даже не зная совсем алгонкинских языков. Ее общезыковедческий интерес — в той ясной и полной картине, которую она дает в отношении данного малоизвестного языка. Примененные в ней методы в общем мало чем отличаются от методов, принятых в других описательных работах, и само исследование

Л. Блумфилда о языке оджибва может служить в некотором роде образцом для описания языков, не имеющих письменной традиции и перспектив дальнейшего развития, а известных лишь в очень узком «одновременном („синхроническом“) срезе».

В соответствии с общепринятым порядком, описание языка начинается со звуков, причем, тоже по традиции, — со звуков, сведенных к максимально ограниченному числу «звуковых инвариантов», или фонем. Перечисление сегментных фонем сопровождается сведениями о просодических особенностях, а именно — о конечном соединении, отмечающем конец фразы (phrase final), и конечном соединении, отмечающем конец предложения (sentence final). Тут же вводится понятие *с л о в а*, положение в котором обуславливает выбор того или другого варианта фонем. Любопытно, что раздел «Звуки» (Sounds) заканчивается отдельным параграфом, посвященным краткой характеристике фонетической структуры слова в оджибва (стр. 10). В описании отдельных звуков отсутствует дистрибутивная методика: по обычному способу старой «идентифицирующей» фонетики, краткое *a*, например, в оджибва характеризуется путем сопоставления его с аналогичными английскими и немецкими звуками. В отношении редуцированных гласных сохраняется морфологический подход, до сих пор очень распространенный и принятый многими языковедами, не имеющими отношения к йельской школе: редуцированные *e*, *u* рассматриваются как позиционные варианты полных (нередуцированных) *a*, *i*, *o*. Например, *-i* в *epini* «человек» и *-u* в *epiniwak* «люди» определяются как позиционные варианты одной и той же фонемы (стр. 5).

Самым обширным и наиболее детально разработанным разделом является «Морфология» (стр. 11—129). В первой главе этого раздела подробно и обстоятельно перечисляются все морфологические средства восточного оджибва. При этом не только уточняется содержание таких морфологических категорий, как окончания (endings) и нулевая морфема, но и вводятся понятия, не получившие еще общего распространения. Так, например, предлагаемое Блумфилдом сведение сложной системы словоизменения в языке оджибва к девяти морфологическим позициям несомненно заслуживает внимания. Иерархия позиций понимается так, что окончания более ранних по счету позиций образуют темы (themes), к которым окончания более поздних по счету позиций добавляются по тому же принципу, по какому они вообще присоединяются к основам (stems) (см. стр. 11 и сл.). Позиции описываются и разъясняются также не «дистрибутивно», а на основе детального изложения их смыслового содержания, т. е. выражения таких грамматических значений, как императивный объект, второе лицо, пассив и т. п. С описанием позиций связывается разъяснение морфологических процессов, управляющих словоизменением, таких, как изменение начала слова (initial change), префиксация и флек-

¹ См. особенно: E. H a u g e n, Directions in modern linguistics, «Language», vol. 27, № 3, 1951; H. H o i j e r, Native reaction as a criterion in linguistic analysis, «Reports for the Eight international congress of linguists», Oslo, 1957; K. L. P i k e, Interpenetration of phonology, morphology and syntax (там же); P. D i d e r i c h s e n, The importance of distribution vs. other criteria in linguistic analysis (там же).

² В первые ряды глашатаев этого направления выдвинулся теперь М. Джоос, прежде известный в языкознании только как автор статьи «Описание языковой модели» (M. J o o s, Description of language design, «Journ. of the Acoustical society of America», vol. 22, № 6, стр. 701—708). См. также его очень ярко написанные и остроумные примечания к изданной им хрестоматии по дескриптивной лингвистике («Readings in linguistics», Washington, 1957).

ксия. Здесь же подробно рассматривается система словообразования.

Детальная характеристика флективных категорий языка (categories of inflection) дает основу для описания системы его частей речи (parts of speech). Определяющая каждую из частей речи система категорий подробно характеризуется со стороны их содержания, значения. Каждая из таких характеристик разъясняется на большом количестве примеров, неизменно сопровождаемых переводами на английский язык.

Раздел, посвященный синтаксису, очень невелик по объему (130—143 стр.). Это объясняется, видимо, трудностью разграничения в полисинтетических языках элементов синтаксиса и синтагматики. Данный вопрос, впрочем, окончательно не разрешен даже в таких хорошо изученных языках, как индоевропейские. К синтаксическим категориям (собственно говоря, к «синтаксическим знакам» — syntactic signs) Блумфилд относит, не делая между ними различия, такие, казалось бы, разные явления, как порядок слов, положение глагольного элемента (verbal order and mode) и согласование, с одной стороны, и «перекрестную связь» (cross reference), заключающуюся в дополнении лично-анафорического эле-

мента словоизменения независимым выражением — словом или фразой (например, «Джон его-нож»=Джонов нож), и относительную связь (relative reference), которая соединяет «форму», включающую относительный корень с его antecedентом (например, «восемьдесят столько-то зим» — восемьдесят лет), с другой стороны. Кроме того, в реестр «синтаксических знаков» вводится еще категория «устранения» (obviation), позволяющая различать между, например: *Он взял свою* (собственную) шляпу и *Он взял его* (другого лица) шляпу (по-английски в обоих случаях будет *его* — *his*). Поскольку, однако, по свидетельству Блумфилда, этим различием носитель оджибва фактически часто пренебрегает, вопрос о включении или невключении данного явления в категории синтаксиса снимается сам собой.

Почти половина рецензируемой книги отведена под «Предложения» (sentences), «Тексты» и «Список слов» (стр. 147—268). В этом большая ценность работы, так как фиксация столь значительного фактического материала с переводами на английский язык уже сама по себе представляет важный вклад в науку.

О. С. Ахманова